

По мастерским художников

У С. В. ЧЕХОНИНА

Едва ли найдется среди современных художников мастер, чье творчество было бы столь разнообразно по своим устремлениям, как творчество Сергея Васильевича Чехонина.

Остановившись. Отметим, главным образом, те работы художника за последнее время, которые не были опубликованы, хранятся в его папках и альбомах, украшают стены его мастерской. Сюда относятся ряд деревенских пейзажей, исполненных Чехониным минувшим летом в окрестностях Валдая. Эти работы, несколько необычные для него, привлекают своей свежестью и «легкостью». Сделав некий «прыжок в сторону», отдав себя дремотной тишине солнечных полей и лесов, художник сумел воссоздать неяркую прелесть русской природы. В этих пейзажах нет левитановской элегичности, нет ни тени меланхолии,—они жизнерадостны и незатейливы, как песнь жницы, просты и трезвы, как трудовой день пахаря. Одни из этих этюдов написаны в слегка импрессионистической манере, другие, наоборот, проработаны с большой четкостью. Первые художник склонен рассматривать, как материал для своих миниатюр (пейзажные фоны), вторые могут послужить ему для дальнейших чисто графических работ.

Из числа небольших портретов, примечательных технической виртуозностью исполнения, отметим недавно сделанные художником в Москве портреты наркомздрова Семашко и балерины Гельцер. В Москве же Чехонин осуществил в прошлом году две театральные постановки—«Петербург» и «В 1825 году». В его театральной работе есть стремление к окончательной «договоренности» и детализации всех зрелищных моментов: он неограничивается эскизами декораций и костюмов, но создает также мизансцены, работает над гримом, группирует артистов в определенных ситуациях и т. д. Желая создать зрелище, вполне завершенное в художественном отношении, он многократно копирует различные сочетания фигур и обду-

С. В. Чехонин

мывает каждую мелочь в ходе действия. Его эскиз к пьесе «В 1825 году»

С. Чехонин

Портрет наркомздрова т. Семашко (1926 г.)

Замечательный график, украсивший своим тончайшими работами бесчисленное количество книг; художник-керамист, создавший в росписи фарфора новый оригинальный стиль; портретист, исполнивший ряд неподражаемо-искусных миниатюр; орнаменталист, немало поработавший в области стеной, монументальной живописи,—наконец, декоратор, создавший несколько интересных и «стильных» постановок,—все эти специальности сочетаются Чехониным в какой-то исключительно гармоничной комбинации.

Книжно-графические произведения Чехонина широко известны читающей публике, и на характеристике их мы не будем здесь

С. Чехонин

В снопах (Этюд маслом—1926 г.)

представляет собою интересную коллекцию типов и сцен.

Продолжая все время работать в области керамики (для Гос. Фарф. Завода и Новстресторга), художник создал за последнее время ряд образцов росписи сервизов, предназначенных для наших полпредств в Берлине и Париже; часть этих сервизов будет расписана в «трактирном» русском стиле, другая часть будет украшена различными сказочными сюжетами,—в частности, один из сервизов украшен рисунками на тему «Руслан и Людмила».

Творчество Чехонина не ознаменовалось за минувшие годы каким-либо ошеломительным новаторством. Оно попрежнему изумляет нас изяществом графического почерка, нарядностью орнаментальных мотивов, точностью «ювелирной» отделки. Именно в строгой последовательности и гармоничности его многообразных произведений заключается неотразимое очарование его зрелого, изощренного, «насквозь стильного» мастерства.

Голлербах.

С. Чехонин

Эскиз к пьесе «В 1825 году»

(Сцена бегства. Акварель—1925 г.)

КРАСНАЯ НИВА

№3

2

264
4

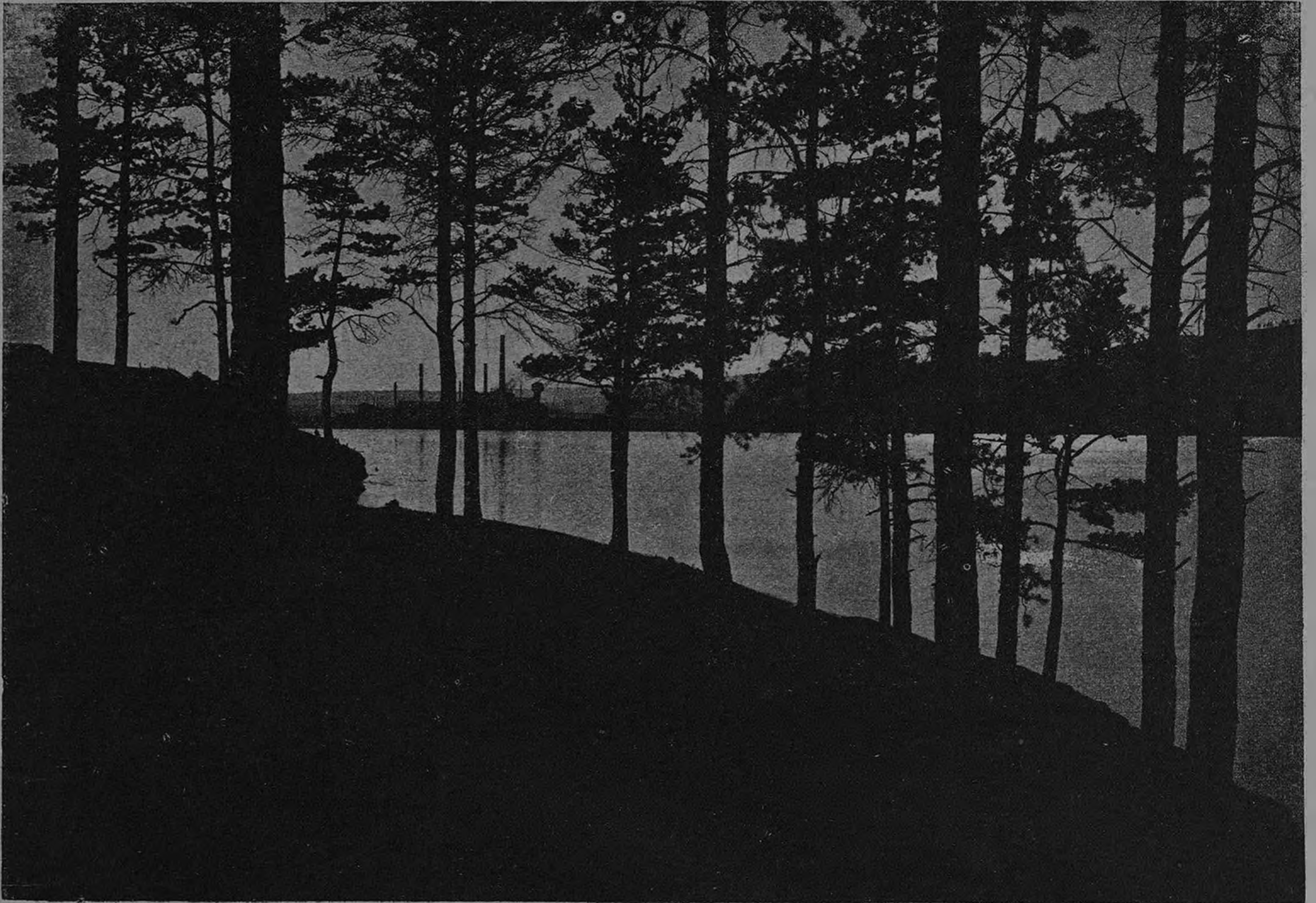
~~288~~
44

ПУБЛИК

4

Фот. А. Углова

Вид на Верхне-Исетский завод (Урал)

На светлых озерах

Рассказ

И. Соколов-Микитов

Вьется узкая стѣжка, уводящая меня в синее царство, и я послушно ступаю по ней, как по нити сказочного бабушкиного клубка. Обросшие сивыми бородами деревья-деды стоят надо мною, и сверху им видно, как ползет внизу крошечный человечек, а за ним с сучка на сучок неотступно перелетают две лесные сороки, провожающие человечка в их лесовое синее царство.

Совсем недавно этою стѣжкой проходил другой человек-путник. Он шел так же, неся за спиною мешок, и чутко вслушиваясь в зеленую тишину леса. И так же, с сучка на сучок, неслышно перелетали за ним две лесные сороки. Дорогою человек остановился и присел на обросший мохом и лишаями камень. Неспеша он стянул с натертой ноги тяжелый сапог и снял шерстяной чулок. Тогда из-за камня под ноги человеку выкатился бурый маленький медвежонок и, приняв за своего, стал весело играть и кувыряться у его ног. У человека от испуга позеленело в глазах: за спиною его, у толстой красной сосны, на задних лапах стояла медведица и глядела так, что

под ее взглядом путник почувствовал себя маленькой мышью. Так они—зверь и человек—долго и неподвижно оставались друг против друга, а медвежонок беззаботно катался у их ног. Кто может сказать, чем окончилась бы нежданная лесная встреча, не махни человек рукою, держащею снятый чулок. Чулок вырвался из руки и полетел прямо в нос зверю. Бог ведает почему, это показалось зверю страшнее выстрела из ружья и, рывкнув, пачкая мох и ломая молодые деревья, быстрее ветра зверь укатил в лес. Человек усмехнулся, посадил медвежонка в мешок и спокойно пошел домой.

Я иду стѣжкой и, улыбаясь, вспоминаю рассказ прохожего человека. Мне чуточку страшно и, может, потому так чутко и необыкновенно в лесу и на слуху всякий шелест, и так ждется увидеть между деревьями звериную бурю спину...

Вьется, вьется узкая стѣжка, уводящая меня в лесовое синее царство, перелетают с сучка на сучок лесные сторожа-сороки, и краснеет на стѣжке брусника, точно крупные алые